

с 10.02.1979, 31.02.1979

ЧАС КОМЕДИИ

КАК-ТО одна знаменитая пожилая актриса, поздравляя другую с весьма почтенным юбилеем, написала: «Помните, Вы не старая, Вы старинная. И Ваша ценность непрерывно возрастает...» Действительно, ничто так не молодит женщину, как возраст, если, махнув на него рукой и осознав себя как личность, она перестает перед ним заискивать.

Елена Николаевна Гоголева играет стошестилетнюю мадам Муре. Играет азартно, остроумно и, разумеется, молодо. Ей весело несколькими штрихами изобразить эталон тухлякый гриб, впавшую в детство старуху, зная, что по ходу сюжета ее героиня сбросит дряхлость, сверкнет молодым озорством, поставит на место сто сорон с лишком своих деловитых потомков и поощрит нерешительную юную любовь. И это будет настоящий день рождения Мамуре, а не выгодное мероприятие в кассу клана Муре. И в этот день она станет великолепной, красивой, даже грациозной как раз потому, что актриса позволяет себе ничуть не молодиться.

В каком-то смысле день рождения Мамуре, справляемый в общенациональном масштабе (она — старейшая гражданка Франции), станет и новым днем рождения актрисы Гоголевой, потому что и старые театралы, помнящие ее Пановой в «Любови Яровой» и герцогиней Мальборо в комедии Скриба «Станак воды», в этом качестве — очаровательной и лукавой комедийной актрисы — ее не видывали.

Гоголева играет роль Мамуре на сцене Малого театра во французской комедии Жана Сармана — чуть-чуть бурлескной и немножко сентиментальной, элегантно представленной Б. Львовым-Анохиным, остроумно оформленной О. Твардовской и В. Манушенко и изящно разыгранной актерами разных поколений — В. Обуховой (ее героиня ненамного моложе Мамуре) и молодой Е. Глушенко; Е. Весником и В. Соло-

миным; Т. Панковой и Л. Щербининой — перечислить можно было бы почти всех. Пьеса написана искусно — она, что называется, актерская, а значит, и зрительская; с бенефисной ролью для актрисы и с той здоровой, неустаревающей моралью, что своеволие любви и ценность чувств выше круговой поруки меркантильных родственников. Ее бы можно разыгрывать и по-другому — в более простонародном варианте. Но спектакль Львова-Анохина в красивой сценографии, с упругой — как в пинг-понге — подачей реплик, с ироничной интермедией тулуз-лотреновского цирка весь рассчитан на индивидуальность Гоголевой, на особенности ее артистических возможностей. На добротное комедийное мастерство старого Малого театра и напоминание о традиции.

Зачем, в самом деле, люди ходят в театр? Почему в эпоху НТР, подхватив под мышку нарядные туфли, торопятся они в бархатные и золотые залы старых академических театров или мчатся с пересадками куда-нибудь на край города, прослышав новое имя?

Отбросим социологические аспекты, которые на самом деле очень важны, отрешимся от проблем свободного времени, референтных групп и обратимся к тому малому, но и великому, что составляет неотъемлемую привилегию театра — и личной встрече с личностью. И чем эта личность существеннее, тем существеннее и встреча. Вот почему «Мамуре» не только и не столько о прошлой, неосуществленной любви к цирковому «разрывателю цепей» или о победе будущей любви над меркантильностью, сколько о самоосуществлении актрисы, о мастерстве и о победе человеческого духа над жесткостью материи.

Разумеется, театр, как все иное, обновляется во времени, ищет новое. Но не случайно, наверное, во времена бурного омоложения театра так много пьес пишется «для стариков». Мы сами еще недавно были свидетелями триумфального успеха Андровской и Яншина, Прудкина и Грибова в спектакле МХАТа «Соло для часов с боем». Мы радовались Раневской и Пляту в пьесе «Дальше — тишина» и восхищались Мадлен Рено в постановке Барро «Гарольд и Мод». Все эти спектакли — независимо от сюжета — не только о человеческой ценности неповторимой и единственной. Новизна часто выступает в образе хорошо забытого старого, и блеск мастерства, великая правда театральных обманов, традиций вдруг оказываются «впереди прогресса», как говаривал Тарелкин.

Вот почему появление еще одной «старой дамы» на нашей сцене — праздник театра.

М. ТУРОВСКАЯ